

18+

КЛУБ

АНОНИМНЫХ
УБИЙЦ

НАДИН РИВЗ

Надин Ривз

Клуб анонимных убийц

«Издательские решения»

Ривз Н.

Клуб анонимных убийц / Н. Ривз — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Девушка и парень едут из Нью-Йорка на Западное
побережье, чтобы совершить убийство. По дороге узнают много
нового друг о друге, а также меняется их отношение к происходящему
и к партнеру. И жизнь всего лишь игра. Кто они в ней игроки или пешки?
Книга содержит нецензурную брань.

© Ривз Н.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	12
4	14
5	17
6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Клуб анонимных убийц

Надин Ривз

Дизайнер обложки Мария Мари

Иллюстрации Designed by Magnific

© Надин Ривз, 2026

© Мария Мари, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-1070-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

(содержит нецензурную брань и ненормальных персонажей)

1

Прошло три недели, как я живу в квартире, доставшейся мне в наследство от тети. И все это время я не могу выспаться. Мне снятся странные сны, тягучие и бессмысленные. То я становлюсь героем рекламного ролика, то стою на краю крыши, или же брожу по пустынным бескрайним полям. В моих снах ничего страшного не происходит, но они тревожные и оставляют после себя мерзкое чувство. Всю ночь пребываю в полусне и не могу точно сказать, спал я или нет.

Бессонница у меня началась после разбора старого хлама в чулане тетушкиной квартиры. Дело в том, что я нашел там брошюру клуба «Анонимных онанистов». Чего-чего, но этого я никак не ожидал найти в чулане дома моей покойной тети. После этого меня охватила беспричинная тревога, которая и стала причиной бессонницы.

Потому что это выходило за все рамки, принятые обществом, и даже за рамки, отодвинутые обществом для удобства чуть дальше, иначе бы мы лишились тупейших ТВ-шоу. И это никак не вязалось с образом тети. По крайней мере тем, что я знал. Ее мир состоял из ТВ-шоу, сериалов, долгих прогулок по парку, посещения церкви по воскресеньям и разгадывания кроссвордов. Занудный и нехитрый мирок. И брошюра недвусмысленного клуба в вещах.

Чужеродный предмет в ее доме, в ее вещах. Будто бы его подбросили. Если же учесть, что листовка была коробке, стоящей в чулане, то подбросить ее не могли. Тетя, конечно, накопила всякого барахла, но рекламные листы и газеты не собирала. Тем более всяких анонимных клубов.

Я сидел на кухне и сжимал в руках листовку клуба анонимных онанистов. На обложке изображены кишки. Настоящие человеческие кишки, как есть. Фотография из пособия по анатомии.

Так я и заснул за столом, сжимая в кулаке кишки. Точнее, кусок бумаги с их изображением.

Что можно сказать обо мне? Я высокий, среднего телосложения, у меня карие глаза и темные, почти черные, волосы. Слушаю рок. Определенно не поклонник разного рода анонимных клубов, интриг и авантур. Мою жизнь с уверенностью можно назвать скучной и обычной. Я не рвусь очертя голову за новыми технологиями, не приветствую вегетарианство, а уж тем более веганство, не занимаюсь спортом, не ношу очки и пиджаки, и куда предпочитаю ботинки. Мне нравится моя жизнь. Она меня устраивает.

Утром я проснулся от звука дрели. Сосед этажом выше делал ремонт. Перфоратор, молоток и дрель начинают свою симфонию рано утром и заканчивают вечером. По крайней мере, когда я прихожу с работы в доме тишина. По словам соседей, он уже полтора года делает ремонт. По утрам, а особенно по утрам в выходные я его ненавижу. У него нет денег нанять мастеров, и он все делает сам. При этом у него хватает денег на постоянное обновление гаджетов и макбук от «Apple», хрен знает с какими возможностями, но видимо без возможности сделать ремонт в квартире с минимальным шумом. Я бы и знать не знал про его увлечение «яблочной» техникой и самостоятельным ремонтом, если бы не видел, как он выносит мешки со строительным мусором, а потом выходит чистенький к своей машине, небрежно держа в руке макбук.

Моя подруга Пенелопа предлагала его убить. Я отказался. Посмеялся. Поблагодарил ее за заботу. Она лишь надулась и сказала, что ее предложение вполне серьезно.

Ах да конечно! Но правда не стоит.

На этом наш разговор и закончился.

Также Пенелопа предлагала оздоровить энергетическое поле в моей квартире. Принесла вербену и можжевельник. Сожгла пару веточек, и была выдворена мной за порог. В тот день мне пришлось спать с открытыми окнами.

Я встал и пошел в ванную. Нужно собираться на работу.

Работаю я в музыкальном магазине, где помимо дисков и винила можно приобрести рок-атрибутику, афиши и постеры. Он находится в двух кварталах от моего дома. Магазинчик располагается в подвальном помещении. Там холодно как в склепе, да и вообще он напоминает средневековый склеп, в котором запросто могли бы умереть Ромео и Джульетта. Может поэтому наш магазин так любят малолетние романтические готы.

Еще у нас прохладно в любую погоду. Летом нас особенно любят и заходят даже те, кто не интересуется музыкой и неформальной атрибутикой. Они делают вид, что ошиблись, удивляются и совершают обход, как в музее. Освежившись —, уходят. Они меня раздражают как камень в ботинке. Их деланное удивление подобно той же дрели соседа. Я понимаю, зачем вы спустились к нам, вам нестерпимо жарко и всего лишь. Так и скажите. Я зашел сюда всего лишь охладиться. Не нужно удивляться и оправдываться.

Время до начала рабочего дня у меня еще есть, и я иду в кафе «Добрые вести» выпить кофе. Не верьте названиям. Они лживы. В «Добрых вестях» я узнал, что в башни-близнецы врезались самолеты, там же я узнал, что в аварии погиб мой лучший друг, и о смерти тети я также узнал, мирно попивая эспрессо. У этого кафе два плюса — низкие цены и оно близко к моей работе.

Я пил кофе и писал смс Пенелопе.

О Пенелопе: невысокая, худенькая девушка с переменчивым цветом волос и глаз. Одевается как бомж, нашедший новые вещи. Недавно узнал, что почти так все и есть, одеждой ее снабжает двоюродная сестра-модель.

Пенелопа родная сестра моего погибшего друга. Я выразил ей соболезнования на похоронах и пару раз подвез до дома. Не знал, что Пе окажется как плесень, от которой хрен избавишься. Но она прикольная. И, пожалуй, единственный человек, готовый выслушать меня и понять.

Смс Пенелопе:

«Мне нужно с тобой поговорить. Сможешь прийти в час дня в „Добрые вести“?»

Ответ от Пенелопы:

«Приду. Мне тоже надо тебе кое-что рассказать. Жду не дожусь встречи!»

Надеюсь, ничего страшно у нее не случилось, и она просто узнала, кого следующим убьют в ее любимом сериале.

Иду на работу. В свой склеп. Пенелопе там нравится. Но если у нас много народу она уходит. Когда же никого нет, как с цепи срывается. Меряет все, что попадает под руку. Как-то раз утащила в примерочную мужскую футболку и не могла понять, почему она ей как платью. В итоге купила и теперь носит с клепаным ремнем, драными колготками и берцами. Надо признать, ей идет.

И в таком виде Пе как-то раз подошла ко мне, когда я встретил тетину подругу и слушал слезную тираду по поводу смерти «нашей Бетт». Я и представить не мог, что именно в это время на эту улицу Вселенная ниспошлет Пенелопу в самом ее нелепом образе. Тетина подруга была со своей дочерью, очень красивой девушкой. Я успел положить глаз на красотку,

перекинуться с ней парой фраз, и уже хотел пригласить ее куда-нибудь. Но тут ко мне подскочила Пенелопа в футболке с группой Slipknot, ремнем, клепаным в три ряда, рваных чулках (да это были чулки, футболка не скрывала кружевную резинку) и берцах. В тот момент я жалел, что у меня нет пистолета. Пристрелить эту ебнутую, которая обняла меня и прижалась как к родному.

Мое дальнейшее знакомство с красавицей накрылось. Мисс Совершенство удалилась от меня на сотню тысяч миль. Рядом со мной стояло мелкое чудовище и улыбалось мне.

Я наорал на нее, когда мы пришли в склеп. Ругал как кота, сходявшего мимо лотка. Пе смотрела мне в глаза. Спокойно, как кот. А потом выдала следующее: «Я хочу ирландский кофе. Пошли в „Добрые вести“».

Я послал ее на хер. Она уточнила к кому. Я схватил ее за руку и, вытащив вверх по лестнице, вытолкал из склепа на улицу.

Потом мне было стыдно. Как перед котом.

Тем более, что этот кот, вернее Пенелопа, не звонила мне две недели. Я стал скучать. Звонил ей. Она не брала трубку. Приходил к ней домой. Но не мог ее застать. Когда я уже хотел искать Пе через ее родителей, она появилась.

Пришла ко мне в шесть утра. Разбудила в выходной. Прошла на кухню, включила кофеварку и бросила на стол пакет из фотомастерской.

Пенелопа отдыхала с двоюродной сестрой Мэйси, той самой моделью, на Тенерифе. Две недели.

Не знаю, что чувствовала Пе в тот момент, когда я наорал на нее и вытолкал из магазина. И не знаю, говорила ли она обо мне с сестрой. Сейчас все вернулось на круги своя.

Моя жизнь идет, как шла. В ней есть Пенелопа.

Тетина квартира и странная брошюра.

2

Кусок глянцевої бумаги с кишками лежит в кармане. Я чувствую его хруст при ходьбе. Он не дает мне покоя. Тайны. У каждого из нас какие-то тайны. Это я понимаю. Ладно это был бы клуб «Анонимных алкоголиков». Воспринималось бы проще и понятней. Алкоголизм это типично и привычно. Существование алкоголиков и их анонимных клубов легко понять и объяснить, это не выглядит ненормальным или постыдным в отличие от клуба, чью брошюру я ношу в кармане.

Я ханжа. Сноб. Отсталое от времени существо. Ископаемое.

Кто еще?

Зачем я лезу в тайную жизнь тети?

Любопытная тварь. Меня это не должно касаться и самое время выбросить кусок бумаги в мусор и забыть о нем.

Зачем я сказал Пенелопе, что хочу с ней поговорить?

Я собираюсь говорить о брошюре.

Собирался.

Надо придумать что-то другое. О чем я хочу поговорить с Пе? Хочу пригласить ее в кино. Именно это, а не говорить о клубе онанистов.

Только не с Пе. Да и вообще ни с кем.

Пенелопа идет к «Добрым вестям». Она одета в белую тунику, джинсовые шорты и сандалии со шнуровкой. Ее глаза скрыты солнечными очками, на плече висит сумка на тонком ремешке. Длинные золотистые волосы сплетены в косу. Пенелопа выглядит маленькой и хрупкой. Она такая и есть. Внешне.

Пе заходит в кафе, подходит к столику и садится напротив меня. Снимает очки и кладет их на стол.

Она ярко накрашена, но вот лицо зеленоватого оттенка. Я не решаюсь ей об этом сказать. Думаю, что она и сама знает, что выглядит не вполне здоровой.

— Что будешь? Кофе и пирожное? — спрашиваю я.

Отрицательно мотает головой.

— Что тогда?

— Воду.

— Похмелье? — не могу сдержать усмешку.

— Нет.

— Что случилось?

— Ты хотел поговорить, — она смотрит мне в глаза. Ждет.

— Ты тоже.

— Говори первый.

— Пенелопа, — начинаю я. — Давай сходим в кино?

— Ладно. На какой фильм? Когда?

Этого я не знаю.

— Сегодня. А что идет?

Пе смеется.

— Ладно, я согласна. Придем в кино и пойдем на то, что идет.

— Это не свидание.

— Знаю.

Я прошу официанта принести мне кофе и воду для Пе.

— Теперь ты.

— У меня была одна знакомая. Вернее, даже подруга, — начинает она чуть живым голосом. — Я ей надоела. Вместо того, чтобы просто послать меня, сказать, что ей со мной не интересно общаться и дружить, она устроила мне парочку хороших неприятностей, из-за чего меня бросил парень, и мне пришлось искать другую работу.

— Даже не хочу знать, что она сделала, — произношу я, искренне желая пропустить козни бывшей подруги.

— Сегодня утром ее сбила машина, — спокойно произносит Пе.

Я ничего не говорю. Пенелопа явно не ждет сочувствия.

— Патрик, мой друг патологоанатом, решил сделать мне сюрприз. Попросил приехать к нему в морг и показал ее раскуроченное тело. Такое чувство, что она не под машину попала, а под танк. Меня вырвало. Кажется, я все там заблевала. Ничего не чувствовала, только рвотные позывы. И сейчас их чувствую.

Пе вскочила и убежала в сторону туалета. Минут через десять она вернулась. Уже менее зеленая.

Пока ее не было, я думал о том, что услышал. Особенно меня поразило слово: сюрприз. Выходит, ее друг Патрик знал печальную историю этой дружбы и искренне сочувствовал Пенелопе. Что не скажешь обо мне. Я считаю Пе своим другом, но наша дружба как тормозной путь. Она возникла после смерти Питера, моего друга и брата Пенелопы. Построена на общем горе. И должна бы уже закончиться. Но нет. Мы до сих пор едем вместе. Я бью по тормозам, но все без толку.

Патрика я видел пару раз. Слышал о нем достаточно.

Патрик высокий брюнет, с синими глазами. Рядом с Пенелопой кажется огромным. По ее мнению, красивый. Работает патологоанатомом. Служит «Metallica». Нравится Пенелопе. Думаю, она влюблена в него. Она хотела бы с ним встречаться. Но есть одна вещь, которую придумала сама Пе: она боится, что у него имеется склонность к некрофилии.

С чего Пе это взяла никто не знает, даже она сама. Ей приходят в голову странные вещи, и она этого не отрицает. Не отрицает и того, что это не обоснованно и всего лишь ее большая фантазия. Тем не менее, предпочитает быть Патрику просто другом. Что думает по этому поводу сам Патрик или нравится ли ему Пе как девушка, мне не известно.

— Тебе ее жалко или нет? — спрашиваю я. Мне интересно, повлияло ли что-то еще на упадок сил и настроение Пе кроме вида раздавленного тела.

— Нет. Не знаю, — неуверенно отвечает она. — Какая-то часть меня этого хотела и даже радовалась увиденному, а другая, наверное, жалела. Испытывала угрызение совести за радость другой моей части. Я желала ей смерти. Я...

Пенелопа закрывает лицо руками.

Я не знаю, что делать. Нужно ее утешить. Обнять, например. Но... я не могу.

— Отвезти тебя домой?

Она мотает головой. Приходится взять ее с собой в склеп.

Пенелопа сидела за прилавком в углу, и не сказала ни слова за остаток моего рабочего дня.

Вечером мы шли в кино. Пенелопа все еще молчала, это меня тревожило. Молчаливая Пенелопа — это псих перед припадком. Ее нужно вывести из этого состояния, пока у нее не случилась истерика от переизбытка мыслей. Не знаю, о чем она думает, но точно знаю, что ее мысли сложны и порой не всегда понятны даже ей.

— Пе, а вы с ней долго дружили? — спрашиваю.

— Пять лет, — отвечает она. — Я вот думаю, от картошки фри меня вырвет или нет?

Сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. Она, оказывается, думает о картошке, а не о том, что ее подруга, которая причинила ей много бед, мертва.

— Точно все в порядке?

— Я чувствую себя ужасно, будто это я убила ее, — глаза Пенелопы наполняются слезами.

Только не это!

— Тише, тише, — как можно спокойней и ласковей говорю я и обнимаю ее. Она уткнулась лицом мне в грудь. Я чувствую ее горячее дыхание через футболку. — Ты ни в чем не виновата, просто... так сложилась ее судьба. Ты не можешь и не должна брать на себя вину за то, что не зависит от тебя, за то, над чем у тебя нет власти.

Пенелопа отрывается от меня, смотрит мне в глаза, будто я открыл ей великую истину. Потом берет за руку и снова возвращается к теме киношной еды.

— Нет, не вырвет тебя, не бойся. Но колу пить не стоит.

— Почему? Это же от стресса, а не отравление.

Похоже, она пришла в норму.

Мы пришли в маленький кинотеатр, где крутят все что есть. Старые фильмы, новые, артхаус, боевики, комедии, мелодрамы. Здесь шедевры соседствуют с ширпотребом. Покупаем билеты на первый попавшийся фильм. Джим Джармуш «Сломанные цветы».

Смотрим творение Джармуша. Едим картошку фри и попкорн. Пе рассказывает, как водила собаку кузины (бернского зенненхунда) к ветеринару, как случайно сломала ручку холодильника. Потом начинает рассказывать о посещении музыкального магазина, специализирующемся на джазе. С таким же успехом мы могли бы сидеть в «Добрых вестях». Там есть телевизор и все время идет какое-то кино. Или новости.

Я так и не понял смысл фильма, зато узнал, что в клинике «Маленький друг» абсолютно тупые ветеринары, а виниловую пластинку какой-то там группы (слушал я ее не очень внимательно, все же пытался уловить смысл фильма) придется ждать тысячу лет.

После кино, проводив Пенелопу домой, я возвращаюсь к себе. В кармане хрустит листовка. Я забыл о ней, пока был с Пе. Снова накатывается неприятное чувство тревоги и стыда. В простую как амеба, жизнь тети прокралось кое-что из ряда вон. И я хочу понять: это ошибка, случайность или грязные тайны отдельно взятого человека.

По дороге домой решаю все рассказать Пе. Больше никто не может разделить со мной это грязное чувство. Тормозной путь нашей с ней дружбы превращается в полноценную езду по скоростному шоссе.

3

Я объяснил Пенелопе как важно для меня проверить информацию о клубе, как важно узнать, что это всего лишь ошибка и брошюра попала к тете совершенно случайно. Например, выпала из книги, взятой в библиотеке. Мне не хотелось верить в то, что у нас в семье были люди слегка того. По сути, я искал определенный ответ.

— Что, по-твоему, представляет собой анонимный клуб? — спрашивает Пенелопа.

Я молчал. Пенелопа вздохнула.

— Это не значит что-то плохое, по крайней мере, не всегда. В таких клубах собираются люди с одинаковой проблемой и пытаются друг другу помочь.

Видимо у Пенелопы совсем поехала крыша.

— Я не хочу даже знать, как и чем они там помогали друг другу!

— Да, у тебя предрассудков больше, чем я думала, — Пе гладит меня по руке.

— Что? Ты думала о том, сколько у меня предрассудков?

— Нет, не то, чтобы я о тебе думаю, но так иногда, бывает. И вообще это образное выражение. Ладно, мы ушли от темы. Хочешь, чтобы я нашла этот клуб и проверила, была ли там твоя тетя?

— Нет.

— Да.

— Пе!

— Что?

— Клуб анонимный. Что ты им скажешь? И не стоит, не нужно.

— Нужно! — говорит Пе. — Мне нужно лишь фото.

— Мне нужно знать, что ты скажешь! Фото у тебя будет.

— Так ты согласен? — она смотрит мне в глаза.

— Скажи, что ты задумала.

— Доверься мне!

Это говорит мне девушка, по которой временами психушка плачет. Это говорит девушка, которая заблевала труп бывшей подруги. И я готов ей довериться.

— Хорошо. Зайдем ко мне вечером, и я дам тебе фото. Но что ты...

— Тш-ш-ш! — она прикладывает палец к губам, и заговорщицки подмигивает. Я тут же начинаю жалеть о том, что все ей рассказал.

Вечером мы с Пенелопой идем ко мне. Она что-то болтает, но я ее не слушаю, лишь временами киваю. Если Пе вдруг задаст мне вопрос и поймет, что я не слушал ее, то мне конец. Но она не задает никаких вопросов, просто трещит как пулемет.

Мы заходим в парадную, и Пенелопа замолкает. Мы поднимаемся в лифте, Пе молчит. Заходим в квартиру, Пе молчит, но с другой интонацией, скорбной. Да, у молчания тоже есть интонации. И я слышу скорбь и сочувствие в молчании Пенелопы.

Затем она обходит квартиру, прислушивается и принюхивается. Она здесь уже была, один раз. Пыталась обновить энергетику места.

— Покажи, где ты нашел брошюру, — говорит она.

Веду ее в чулан.

Она осматривает чулан, пожимает плечами и выходит. Не знаю, что все это значит. Скорей всего, у Пе новая игра. Да, я лох. И идиот. Пенелопа не должна была ничего знать. Чувствую себя мерзко. Я подарил ей тайную жизнь тети для игры в детектива с экстрасенсорными способностями. О чем я думал? О доверии и дружбе!

— Здесь не мешает почистить энергетику, — говорит Пе. И я снова готов выставить ее за дверь. — Я принесу веточки можжевельника...

— Спасибо, Пе. Мне хватило прошлого раза, — перебиваю я. — Все в порядке. Это всего лишь лист бумаги. Я не верю во все эти энергетические чистки и прочую хрень.

Не хватало еще, чтобы Пенелопа ван Стратен устраивала здесь ведьмовские ритуалы.

— Дело твое, — отвечает она.

Получив фото, Пенелопа уходит.

4

Весь вечер следующего дня сижу как на иголках. Включил музыку, но она не помогает. Хожу по дому туда-сюда. Ухожу в чулан. Сажусь на пол и тупо смотрю на коробки с хламом, которые еще не трогал.

Днем Пенелопа прислала смс. Сообщила, что отправляется на поиски истины. Так и написала. Она нашла этот клуб. Он располагается в подвале церкви святого Варфоломея. И вот она сейчас как раз там. В церкви. Св. Варфоломея. В подвале на сборище «Клуба анонимных онанистов». Никогда не понимал, зачем нужны все эти анонимные клубы. Особенно этот. Я бы не рискнул туда подойти, так что Пенелопа смелая. Хотя нет, она просто чокнутая. И она мой друг. Определенно.

Когда-то я дружил с ее братом. Теперь с ней. Возникает чувство подмены. Мне подменили друга Питера на его сестру Пенелопу.

Становится не по себе. Грустно и отвратительно. Что же у меня в башке творится! Нет никакой подмены, Пит погиб. Но какого лешего ко мне стала липнуть Пенелопа? Вспоминаю мисс Совершенство спугнутое Пе. Кулаки сжимаются сами собой. Бью стену. Больно только руке, стена на месте. И Пенелопа сейчас помогает мне. А я тут хрен знает, о чем думаю.

Ложусь спать. Но мне не спится, лежу и рассматриваю тени на потолке. Сколько времени прошло, как Пенелопа ушла туда? Почему она не звонит? Вдруг с ней что-то случилось? Смотрю на часы. Час ночи. Она уже должна позвонить или написать. А может до нее дошло, что неприлично звонить людям глубокой ночью? Если да, то, когда и каким образом это произошло. Набираю ее номер. Телефон выключен.

Закрываю глаза и пытаюсь заснуть. Утром пойду к ней.

Дети на улице играют в мяч. Звуки их игры проникают в дом — звонкие голоса и удары мяча об асфальт.

Голова гудит, глаза красные. Соседа с дредью не слышно и то хорошо. Быстро собираюсь и выхожу из дома.

Иду по улице, в меня летит мяч, уворачиваюсь от него и ору на детей. Те разбегаются.

Восемь утра. Еду к Пенелопе. Она все еще не звонила. С ее любовью прийти на чашечку кофе до рассвета это странно. Она не думает о том, спишь ты или нет. Она может прийти или позвонить когда угодно. Время суток ее не останавливает.

Нервы на пределе, так как ее телефон выключен. Это не похоже на Пенелопу.

У дома, где живет Пенелопа стоят «Скорая» и две полицейские машины.

«Что-то случилось с Пенелопой» — такова моя первая мысль. Бегу к двери. Меня останавливает полицейский.

— Вы к кому?

— К Пенелопе ван Стратен. Квартира 9L.

— Ваши документы?

Я подаю паспорт. Всегда ношу его с собой на всякий случай. И вот, пожалуйста, тот всякий случай.

— Проходите, — равнодушно говорит полицейский.

— А что случилось?

— Убийство, — все тем же ровным тоном отвечает он.

Прохожу в холл, здороваюсь с консьержкой (да, девушка, которая одевается, как бомж в праздник живет в доме с консьержкой). Квартира не ее, а Питера, но теперь в ней живет Пенелопа. Тут я понимаю кое-что про нас с ней. Одно маленькое обстоятельство, которое нас объединяет — мы оба живем в квартирах умерших родственников.

До этого Пе жила с родителями. После смерти Пита у нее вошло в привычку разговаривать с его «душой», причем пару раз она умудрилась с ним поругаться. Это все действовало ее родителям на нервы, и они отправили Пенелопу в квартиру брата. Пе оказала сопротивление и ее буквально внесли в дом Питера вместе с вещами. Она неделю жила в прихожей, не смея пройти вглубь дальше туалета. Потом брат «разрешил» ей там жить. Уж не знаю, каким образом он дал ей это понять.

Откуда я все это знаю? Пе сама мне все рассказала.

Поднявшись на этаж Пенелопы я вижу в дверях ее квартиры двухметрового полицейского, а потом и саму Пе. Она выглядит божественно для всех поклонников гранжа: изодранные джинсы в булавках, вытянутая майка, поверх которой надета футболка и серая кофта распашонка в бабушкином стиле. Пожалуй, Курт Кобейн бы в нее влюбился.

— У них постоянно что-то происходило. Сегодня утром я проснулась от шума и криков, и позвонила в полицию.

— Спасибо, мисс ван Стратен. Вот моя визитка, позвоните, если вспомните еще что-нибудь.

— Конечно, — она мило улыбается и берет визитку.

— До встречи!

— До свидания!

Коп разворачивается, чтобы уйти. Внешне он вполне во вкусе Пе. Напоминает молодого Марлона Брандо. Может быть, Пенелопа сама убила своих соседей, чтобы познакомиться с красавчиком-полицейским?

— Проходи, — приглашает меня Пенелопа.

Как только за нами закрывается тяжелая черная дверь, Пенелопа скатывает визитку в шарик и щелчком отправляет в полет.

— Так вот! — она идет на кухню, я иду за ней, готовясь услышать нечто среднее между блокбастером, триллером и психологической драмой.

— Вчера вечером я пришла в этот клуб. Спросила про женщину на фото. Я не называла ее имя, и не спрашивала его, по сути, она могла представиться любым именем. В этом-то вся суть анонимности. Мне задали встречный вопрос, кто я такая и почему ищу эту женщину.

— И что ты сказала?

— Представилась ее племянницей. Ты не против? И что мне рассказали сплетню, что она якобы посещала этот клуб. Сказала, что не имею ничего против них, и даже считаю их прикольными. Просто хочу знать, правда, это или нет, потому что для меня это важно.

— И что тебе сказали? — начинаю терять терпение, слишком много пустых слов.

— Сказали, что такая женщина к ним не ходила. Фото я показала всем там присутствующим. И все сказали, что не видели ее никогда. Но я им не поверила. Все слишком просто.

Ах, ну да! Все просто это не для Пенелопы. Сыщик идет по следу.

— И что?

— Я стала задавать вопросы.

— Что?

— Ну, как в фильмах, когда детектив чувствует, что свидетели что-то знают, но не говорят.

Я обхватил голову руками.

— Они сказали еще раз, что не знают эту женщину и никогда не видели, и у них нет причин мне врать. И вышвырнули меня оттуда. Сначала из подвала, а потом из церкви. Хотя они не имели права вышвыривать меня из церкви. Это же дом Бога, и он открыт для всех.

— Даже для анонимных онанистов, — бормочу я.

— А чем я хуже?

— Тем, что взбесила мирное общество онанистов, — отвечаю я, ища сигареты.

— И что они не смогут нормально поанонировать? — невинно спрашивает Пе.

И меня пробивает на смех. Смеюсь, как ни смеялся, наверное, никогда.

— И чего ты ржешь? — спрашивает Пе.

Показываю большой палец и продолжаю ржать. Да именно ржать, до слез, до боли в животе.

— Твоя тетя не ходила к этим ебнутым онанистам. Все хорошо. Видишь? — говорит Пе и тоже начинает смеяться.

5

После этого безудержного веселья наступает долгая и занудная неделя. Работа-дом-работа. С Пенелопой я не виделся и не созванивался. И все было нормально. Я не чувствовал ни тревоги, ни тоски.

Недавно я снова встретил на улице свою мисс Совершенство. И в этот раз Пенелопа не помешала мне. Ее зовут Джемма. Мы почти стали встречаться. Почему почти? Не знаю. Может потому, что она была слишком мила. Словно ошиблась временем и эпохой.

Несомненно, она идеальная, но вот не было в ней одной маленькой детали, чтобы наши отношения можно было назвать отношениями. Она не могла стать мне другом, она могла быть только любимой женщиной, некой иконой. Джемма успокаивала душу и радовала глаз. Она стала бы украшением для любого мужчины и мечтой. Глядя на нее, общаясь с ней, я понимал, что она никогда бы не пошла в какой-то стремный анонимный клуб. Она бы попросту посоветовала выбросить странную брошюру и забыть о ней. Она бы нашла нужные слова.

Я вспомнил катающуюся от смеха по полу Пе, десятью минутами ранее, говорившую с полицейским об убитых соседях. Джемму нельзя было представить в таком виде. Она была, черт возьми, леди. Поэтому, между нами, как бы проходила завеса из тончайшей пленки. Мы оба это понимали. Наши отношения стали развиваться лишь в дружеском русле.

И эту неделю, пока я был с Джейни, Пе не появлялась в моей жизни. Словно взяла тайм-аут.

Кстати, после того как Пе отыскала клуб, моя бессонница прошла. Я снова стал спать спокойно, и лишь по утрам в выходные проклинал соседа с дрелью.

Ранним субботним утром в мою жизнь вернулась Пенелопа.

Мы сидели на кухне, слушали дрель и тиканье часов. Иногда Пе шмыгала носом. Я пока так и не понял, что у нее случилось. Ибо она курила и молчала. Это меня стало раздражать, и я начал стучать пальцами по поверхности стола.

— Мэйси познакомила меня с одним парнем, — сказала Пенелопа, достав из пачки очередную сигарету. — Он ненормальный.

Минута молчания.

— Он реально ненормальный! — Пе повышает голос.

Я киваю.

— Он грызет ногти, когда ведет машину. И называет меня Лапушка. Дебил.

Тут я с ней согласен. Человек, который грызет ногти во время езды и называет Пе Лапушкой определенно ненормальный.

— И... он пьет свою сперму.

У меня снова приступ смеха.

— Пе, может подарить ему брошюру клуба?

— Лучше застрелить. На всякий случай. Что со мной не так? Почему Мейси меня все время знакомит с какими-то ненормальными?

— Так это не первый случай? — серьезно спрашиваю я.

— Другие были жуткие зануды.

— Ладно, ты избавилась от этого шизика.

— Еще нет. Он звонит мне. Напугай его.

Она протягивает мне трубку.

— Скажи ему, что все кончено и все.

— Он не понимает, я говорила.

— Пе...

— Я ходила ради тебя в подвал церкви Святого Варфоломея на невысимо опасную встречу.

Невысимо опасную? Да, да. Ее же вышвырнули оттуда и, наверное, пригрозили вышвырнуть опять, если придет снова.

Телефон начинает звонить и Пе кидает его на стол. На экране светиться «Дебил». Весьма по-доброму.

Я смотрю на телефон. Пенелопа на меня. Меня злит ее взгляд, он так и требует каких-то действий. Дрель соседа выводит невысисмый аккорд самых противных звуков. Я хватаю телефон Пенелопы и отвечаю.

— Слушай внимательно гребаный ты мудака! — ору я в трубку. — Еще раз наберешь этот номер или приблизишься к Пенелопе, я тебе кишки выпущу! Ты понял? Я тебя спрашиваю, ты понял?

Я ору в трубку как бешеный, я не вижу себя в зеркале, но по взгляду Пе понимаю, как страшно выгляжу в гневе. Она прижалась к стене и смотрит на меня не мигая. Закончив говорить, я швыряю телефон на стол.

— Больше он не позвонит! — я все еще продолжаю орать.

Пе кивает, хватает телефон и убегает из моей квартиры. Тишина. Дрель соседа тоже заглохла.

Я подхожу к окну и вижу, как по улице идет Пенелопа.

Ночью я проснулся от телефонного звонка.

Конечно же Пенелопа.

Беру трубку и слышу плачь. Просто Банши воет.

— Пенелопа, что случилось? — сон как рукой сняло.

— Пожалуйста, приезжай! — скулит она.

— Что случилось? — снова спрашиваю я, уже осматриваясь в поисках вещей.

— Это просто ужас какой, я думала... — и она снова плачет. — Все было нормально...

И вот...

— Ладно, ладно, я сейчас приеду.

Одеваюсь и еду к Пе. По дороге напоминаю сам себе, что за последнее время с ней случилось: труп бывшей подруги, убийство соседей, парень-мудака. И бонусом собственно сочиненные заебы.

К тому времени как я приехал, Пенелопа успела вымыться (с волос капала вода), выпить стакан виски и заметно успокоиться.

Ей приснился сон.

Ей приснился Патрик.

Они целовались, и вдруг она поняла, что он гладит ее по волосам и спине полуразложившейся рукой от трупа. Плоть спадала с костей и оставалась на ее волосах, зловонная жижа текла по шее, кости пальцев царапали кожу. Она проснулась от собственного крика. И позвонила мне. И вот я у нее.

— Я боюсь заснуть, — говорит она.

— Я буду держать тебя за руку.

— Мне нужно к психиатру.

— Сейчас ночь и нужно спать.

Пе соглашается и идет в спальню. Я иду за ней. Виски ее успокоило и усыпило. Ее глаза закрываются, но она борется со сном.

— Ложись.

Она заворачивается в одеяло, как в кокон. Я ложусь рядом, устраиваясь под вторым одеялом. В постели Пенелопы три или четыре одеяла и пять подушек. При желании можно построить замок.

Я подаю ей руку. Она сжимает мою ладонь, словно боится, что если отпустит, то я уйду.

Лежа в темноте, рассматриваю Пенелопу. Что-то в ней изменилось. Что-то сразу бросилось в глаза. Внимательно смотрю на ее лицо и волосы. Она изменила цвет волос. Они обесцвечены, почти серебристые. С серебристыми волосами Пе выглядит сказочной.

Просыпаюсь раньше Пенелопы и выхожу из спальни. Квартира Питера не изменилась, все осталось на своих местах, за исключением тут и там разбросанных вещей Пенелопы. Она словно кошка метила свою территорию, раскидывая вещи. На стуле в коридоре рюкзак Пенелопы, на полках с книгами пачки сигарет, тубы помады. Я заглядываю в гостиную. Это большая комната с диваном, двумя креслами, журнальным столиком и свободным пространством. Окно занавешено, в вазе засохшие розы, посередине комнаты проигрыватель с пластинками — вещь Пе, у стены стереосистема — вещь Пита. На диване лежит вечернее платье Пенелопы, туфли в коробке, галстук Питера и его темно-синий шарф. Их вещи смешались и переплелись, подобие идиллии загробного мира — ничто уже не важно, ничто не может иметь больший смысл, чем, память о тех, кого не вернуть.

Сажусь на пол и рассматриваю пластинки Пенелопы. Scorpions, Beatles, AC/DC, Jefferson Airplane, Metallica, Nirvana. Я аккуратно перебираю коллекцию классики рока. Музыка на виниловых пластинках это как дань уважения к этой самой музыке, гигабайты в компьютере или плеере ничто по сравнению с пластинкой, к которой можно прикоснуться, поставить проигрываться; слушать музыку, глядя на лица на обложке. Это как посиделки с хорошим другом. И это вещи Пенелопы.

Выхожу из гостиной. Толкаю двери комнаты напротив. И перемещаюсь во времени на год назад. Такое чувство, что Пит сейчас подойдет сзади, хлопнет по плечу и скажет: И чего ты стоишь, проходи.

Обитель Пита. Его логово, как было всегда. Его стиль, его дух. Время застыло здесь. Остановило свой безумный бег.

— И чего ты стоишь в дверях, проходи!

Пенелопа толкает меня в спину, и я вынужден пройти в комнату.

— Классно здесь? — спрашивает она, плюхаясь в кресло. Запрокидывает голову и смотрит в потолок.

— Да, — соглашаюсь я.

— Садись.

Я сажусь на край кровати. Рассматриваю стены. Очень странно находиться в комнате Питера с Пенелопой.

Пе протягивает руку к ноутбуку и включает его. Щелк, щелк, щелк. Звучит музыка. Второй альбом Rain.

Потом она берет в руки книгу, лежащую на столе, пролистав ее, небрежно кидает обратно. Так небрежно, словно делает это для Пита.

«Вот видишь, я роюсь в твоих вещах».

Мы сидим и слушаем Rain.

— Когда мне становится очень плохо, я прихожу сюда. Сажусь за стол, включаю музыку. Лежу на кровати. Это место энергетически безопасное.

— Тогда почему вчера ты не пошла спать сюда?

— Это комната Пита, я не могу спать здесь ночью, — отвечает она. — Видишь ее, — Пе показывает на фотографию Лоры, девушки Питера.

— Я знаю ее. Лора.

— Лора, — повторяет Пе.

— Лучше бы это она умерла.

— Ты говоришь такие вещи в комнате Пита.

— Да, жестоко.

Пе выключает музыку. Мы выходим из комнаты.

6

Мой рабочий день начинается обычно. Я сижу в прохладе и тишине склепа и пью кофе, взятый на вынос в «Добрых вестях». Никого нет. Включаю музыку, продолжаю слушать второй альбом Rain.

И тут я понимаю, что у меня начались глюки.

Варианта всего два: глюки или шутки Пенелопы.

В магазин заходит Эвита ван Стратен. Мама Пенелопы. Или глюк. Или загримированная Пе.

— Привет, Кларк, — говорит она.

— Здравствуйте, миссис ван Стратен. Это действительно вы?

Он грустно улыбается.

— Я постарела?

— Нет, просто не ожидал увидеть вас здесь. Что-то с Пенелопой?

— Это я хотела спросить у тебя.

Она смотрит мне в глаза. У нее рыбы бесцветные глаза, окруженные лучиками морщин и очень тяжелый взгляд.

— Что именно?

— Вы с ней встречаетесь?

— Нет, Пе просто мой друг.

— Друг, — повторяет она, не сводя с меня глаз. — Ты приезжал к ней сегодня ночью.

— Да, и что?

— Нет, ничего... — она подбирает слова. — Пенелопа разговаривает с Питером?

— При мне ни разу, но, если вы хотите, я могу спросить ее.

Она тяжело вздыхает.

— Пенелопа ведет себя как чокнутая. Ей нужно лечиться. Она...

— Я знаю, что она разговаривала с душой брата и знаю, как ее отправили жить в его квартиру. А сейчас вам консьержка докладывает, кто и во сколько к ней ходит.

Я знаю, что Пенелопа может творить всякую дичь, знаю, что она девочка с заебами. И ей снятся страшные сны. И она способна много чего напридумывать. Только вот я не ждал, что ее мать скажет, что Пенелопе пора лечиться. Мне неприятно, что она считает Пе психом. Это я могу считать ее такой. Мне она рассказывает без умолку всякую фигню, все, что приходит ей в голову. Ко мне она приходит ранним утром и плачет в трубку ночью. У меня есть повод считать ее ненормальной. У Эвиты его нет, так я считаю. Разговоры с душой брата не в счет, так Пенелопа справлялась с горем.

— К ней ходишь только ты и Мэйси! Теперь остался только ты.

— В смысле? — тупо переспрашиваю я.

— Она подралась с Мэйси!

— Пенелопа? С Мэйси?

О, ужас! Она лишилась прошлогодних коллекций, и теперь будет одеваться как простой бомж.

— Да, поэтому я и пришла поговорить.

— Как Мэйси?

— Нормально.

— Она пришла в себя?

— Кто? — недоуменно переспрашивает Эвита.

— Мэйси. Пенелопу-то я видел с утра, как вы уже знаете.

— Она не избила ее до такой степени!

— Что вы от меня хотите, миссис ван Стратен?

— Чтобы ты уговорил пройти ее курс лечения, иначе Мэйси подаст в суд.

— Пенелопа нормальная и ей не нужно лечение, а вот Мэйси бы не помешало, она знает Пенелопу с маньяками, от которых Пе потом с трудом избавляется. Из-за Мэйси она боится ходить вечером по улицам одна, шарахается от каждой тени, ей кошмары снятся.

— До свидания, Кларк! — обрывает она наш разговор. Ей нечего мне сказать. И слушать она меня тоже не желает.

Миссис ван Стратен уходит.

И буквально через десять минут покой моей мрачной обители нарушает Пенелопа. Она сбегает вниз по ступеням и, подбежав ко мне, бросается мне на шею.

— Спасибо! — говорит она.

— Да, ерунда, — отвечаю я, стараясь высвободиться из объятий Пе, а заодно понять, за что она меня благодарит.

Она отпускает меня.

— Я хочу тебе кое-что рассказать и показать. Для меня это важно.

Если любая другая девушка сказала эту фразу, даже Джейни, я бы напрягся, ожидая чего-то страшного и неприятного, но не с Пе. Либо она хочет рассказать мне откровенную фигню — что она чувствовала, когда Ди Каприо тонул в «Титанике». Или же нечто реально важное. Например, поделиться своими мыслями и чувствами о Питере, его смерти или отношениях с семьей.

Смотрю в глаза Пенелопы и вижу, что она мне доверяет. В ее глазах детское безграничное доверие. Чувствую себя как на острие ножа. Одно неверное слово или движение и все пойдет прахом. Полгода назад я бы сказал нечто такое, что отвернуло бы Пенелопу от меня, так как она меня реально достала, но сейчас я ждал, что она скажет, и я даже пытался настроиться с волны эгоизма на волну понимания и выслушать ее.

Пе смотрела на меня, чего-то выжидая. Я смотрел на нее. Серебристые волосы она сплела в косы ото лба к затылку, а глаза у нее были фиолетовыми.

Про себя я отметил, что этот цвет определенно ее. Пенелопе все фиолетово. Она смотрит на этот мир фиолетовыми глазами.

В магазин спускаются три подростка-неформала.

— Поговорим вечером, в нашем кафе, — говорит она.

Вот тебе раз! Наше кафе! Эта задрипанная забегаловка с лживым названием наше кафе.

— Хорошо.

Подростки рассматривают браслеты и косят в сторону Пе.

Пенелопа достает из сумки какую-то книгу и кладет на прилавок.

— Вечером увидимся. Если не придешь, я пойму.

Снова на меня накатывает нечто непонятно-удушливое. Пе улыбается мне и уходит.

— Закос под Дэни, — говорит один из подростков, кивая в сторону Пенелопы. Не знаю, кто она такая Дэни, но спрошу потом у Пе.

Я беру в руки книгу, что оставила она: «Истории, которые мы можем рассказать», Тони Парсонс.

Отлично. Есть что почитать. Убираю книгу под прилавок.

Подростки уходят, накупив браслетов и ремней. Я опять один. Достāju книгу Пенелопы и открываю на первой странице, начинаю читать. Вроде бы неплохо, почему она решила, что после этой книги я не захочу ее видеть.

Пенелопа параноик. Да и я тоже. Мы все параноики. Социопаты, тянущиеся к обществу. Мы хотим, чтобы нас заметили, но сами не хотим никого замечать. Но раз я каким-то чудесным образом сдружился с Пе, то, что такое должно в миг оттолкнуть меня от нее? Что у нее за идеи и мысли? Почему бы не сказать все прямо.

Замечаю в книге закладку.

Пенелопа заложила нужную страницу? Что для нее так важно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.